

УВАЖАЕМЫЙ тов. БОРКОВ!

Попытаюсь кратко изложить на бумаге то, что хотел, но не получил возможности сказать Вам лично!

Я пишу Вам не только как члену ЦК и секретарю Обкома, но и как большевику, пишу в полной уверенности в том, что Вы без особого труда разберетесь в том в чем не могут, или вернее - не хотят разбраться другие!

Вы несомненно осведомлены о том, что первичной партийной организацией, райкомом, горкомом - я осужден к высшей мере партийного наказания. Товарищи из этих организаций - решили вышвырнуть меня из партийной среды! Совершенно правильно поступает партия, беспощадно изгоняя из своих рядов прямых врагов партии, буржуазных перерожденцев и прочую сволочь! Если бы она не поступала так, она не была бы бое-способной, она не смогла бы вести страну по верному пути к коммунизму!

Но с какой стороны я подхожу к числу мерзавцев от которых нужно решительно чистить партийные ряды?

Это самый главный вопрос, на который я вот уже 5 м-цев не могу дать себе ответа!

Кто я? Каков мой жизненный путь? Вот он: сейчас мне 31 год. Следовательно 10-ти летним мальчишкой был я в дни Октябрьской революции, следовательно вся юность и последующая жизнь протекала в условиях созданных октябрьской революцией. Какая среда меня окружала? В 1923 году я вступил в комсомол, в 1926 году комсомольской организацией был послан на работу в ГПУ и в течение 13 лет, непрерывно работал в этих органах. В партийно-чекистской среде формировалось мое политическое сознание, закаляясь в непрерывной, непосредственной борьбе с разной контрреволюционной сволочью. Вот

очень краткие данные об этой борьбе:

В 1927 году, в Чистоозерном районе я боролся с кулаками, прятавшими в землю от государства хлебные излишки.

В 1929-1930 г. в Верх-Ичинском районе громил контрреволюционное кулачество, пытавшееся остановить, помешать массовому вступлению трудовых крестьян в колхозы, пытавшееся всячески вредить в то время что организовывавшихся колхозах.

В 1932 г. выкапывал из земли спрятанное от советской власти бывшими купцами золото, а позднее, во главе небольшого красноармейского отряда ликвидировал кулацкие бандгруппы в Тевризской тайге.

В 1935 г. лично вскрыл и ликвидировал группу диверсантов, быв. золотопромышленников, в последний момент спас от подготовленного ими взрыва только что отстроенную электростанцию на золотом руднике "Коммунар" Хакасской области. Взрыв должен был произойти в день торжественного пуска станции.

В 1935 г. громил контрреволюционную организацию М.Н. "рабочей оппозиции" и ссыльных анархистов.

Этим далеко не исчерпывается моя работа до моего поступления в борьбу с право-троцкистской контрреволюцией. На этом я хочу остановиться особо.

За весь период моей работы в органах ОГПУ - НКВД я ясно понимал генеральную линию партии, ни когда, ни на исту не сомневался в ее правоте! Я не делал политических ошибок в тот период во-первых, потому, что тогда мне оказывали ежедневную, практическую помощь секретари районных комитетов партии (я тогда работал в деревне) а во-вторых, потому, что и враг-то был обличен от общей массы трудящихся, отчетливо виден!

В какой обстановке происходило мое участие в борьбе с правотроцкистской контрреволюцией?

В середине 1936 г. рядовым работником управления я приступил к допросу активнейших троцкистов Богуславского, Сумецкого и др. являвшихся членами т.н. Сибирского троцкистского центра, в процессе этих допросов, путем ознакомления с из"ятыми у контрреволюционного троцкистского подполья т.н. "программными" документами как например: "Сталин и кризис диктатуры пролетариата" и др. я узнал, что троцкисты и правые, об"единившись в звериной злобе к ЦК нашей партии, лично к тов. Сталину, *вкуче* с меньшевиками, эсерами, прочей контрреволюционной сволочью намеревались свергнуть советскую власть, отдать капиталистам богатства нашей страны, сделать рабами свободный советский народ. Я узнал, что путем шпионажа, террора и диверсии эта мразь намеревалась осуществить свои планы. Я узнал, что для осуществления этих замыслов лидеры этой банды несколько лет под ряд формировали свою организацию, проникали в руководящий партийный аппарат, в советские, хозяйственные органы и вредили, вредили где только и как только могли!

Узнал я об этом не только из показаний врагов с которыми я лично, как следователь, имел дело. Узнал я об этом и из партийной печати, совершенно правильно требовавшей беспощадного и решительного истребления врагов народа. И я стал работать буквально день и ночь! Лично разоблачил немало матерых врагов. Работая я знал, что помогаю партии, работаю для партии, для Родины!

Но борьба с правотроцкистской контрреволюцией резко отличалась от борьбы с кулачьем и остатками белогвардейщины. Разница заключалась в том, что участники правотроцкистской организации, как правило имели партийный билет в кармане, внешне ни чем не отличались от честных коммунистов, а будучи аресто-

172
 ванными клялись в том, что они всю свою жизнь только и делали что боролись за генеральную линию партии, а затем... рассказывали о том как ими готовился взрыв на шахте "Центральная" в Кемерово (Кемеровский процесс известен всему миру) как ими готовилось отторжение от СССР Сибири с последующим провозглашением "Сибирской буржуазно-демократической республики", как ими готовились террористические акты против тов. Сталина! Как создавалась организация, силы которой должны были осуществить намечаемые планы.

Я был одним из основных следователей по Кемеровскому делу.

Я лично разыскал террориста, получившего задание организации убить тов. Сталина, этот террорист был арестован с наганом в кармане. Этот террорист неоднократно ездил в Тбилиси, проникал на красную площадь в Москве пытаясь подойти к трибуне к товарищу Сталину на "верный выстрел". Когда УНКВД Татарской Республики двумя телеграммами ответило нам о безуспешности розыска, - я буквально упрямил свое начальство разрешить мне поехать в Казань для организации розысков. Мне разрешили. В Казани я нашел эту сволочь.

Это далеко не все, это только отдельные эпизоды. Но вот сейчас, будучи оплеван и выброшен из партии, вспоминая все это, - я не могу найти себе покоя. Днем и ночью, ежечасно меня мучает вопрос: за что? Почему я, - отдававший всю свою сознательную жизнь борьбе с врагами народа, врагами партии, должен быть выброшен из этой партии, такой родной мне и близкой? Почему?

Меня обвиняют в том, что наряду с врагами народа оказались арестованными и честные коммунисты, оклеветанные врагами народа.

Да, такие факты имели место. Больше того, с арестованными, оказавшимися впоследствии непричастными к числу врагов - обращались как с врагами народа.

Это бесспорный факт! Но разве я, только один я, настолько виновен в этом, что меня нужно выгнать из партии? Конечно нет!

Почему все это происходило? Каковы причины вызвавшие к жизни это положение? Вот они:

1. Быв. Наркомвнудел Ежов, бессовестно обманывавший ЦК и лично тов. Сталина, используя звание секретаря ЦК в целях упрочнения своего авторитета - давал явно вредные директивы, которым обязаны своим арестом многие честные люди?

Мы - работники НКВД того времени и я в том числе честно выполняли эти неправильные директивы, считая что они правильны и необходимы.

2. Наркомат, будучи ежедневно информирован о всей работе Управления, - не только не указал на отдельные недостатки, а наоборот - работу нашего Управления ставил в пример другим. - Так разве моя вина в этом?

3. Разгром членов право-троцкистской организации не был результатом их агентурного выявления, агентурная работа не была организована и в процессе следствия, громили на основании данных полученных следственным путем. Это лишало возможности организовать проверку сущности и правдоподобности компрометирующих материалов. Решить правильно вопрос: является ли данный человек действительным врагом народа, просто ли он шляпа, оказавшаяся неспособным работать на порученном ему участке или это честный человек на которого клеветают враги - можно было только при наличии следующих условий:

а) тщательная агентурная проверка

б) тщательный разбор этого дела в партийных организациях,

где коммунисты знавшие этого человека могли бы дать ему правильную и политическую и деловую характеристику;

170

в) тщательное расследование конкретных фактов, кои свидетельствовали бы об его причастности ли непричастности к врагам.

А как было на практике?

1. Никакой агентурной работы не было. Возможности агентурной проверки отсутствовали. Я попытался организовать у себя в отделе агентурную группу, которую Мальцев приказал распустить. заявив мне: " у нас очень много арестованных, дела их нужно кончать, вести следствие по этим делам могут только оперативно квалифицированные люди, а вы включили их в агентурную группу, сторвали от участия в следственной работе. Давайте кончать следствие, а затем возьмемся всем квалифицированным аппаратом за организацию агентурной работы".

Внешне как будто бы правильная мотивировка по существу своему была сугубо вредительской. В этом я обвинял Мальцева будучи в Москве и он признал себя виновным в этом.

Следовательно агентурной проверки не было.

2. Партийные организации Новосибирска, да и область в целом, не только не требовали конкретных доказательств вины исключаемого из партии человека, но обычную ненадежность в работе, в ряде случаев рассматривали как умышленное вредительство, человека исключали из партии. Если же человек был арестован до исключения из партии - так его просто исключали не затрудняя себя каким либо разбором того дела, не интересуясь за что и правильно ли он арестован.

Все это естественно усугубляло ошибки.

3. Крайне быстрые темпы следствия, отсутствие в ряде случаев тщательного, кропотливого расследования каждого факта, об"яснявшееся требованием Мальцева в басно словно короткий срок закончить дело, формальное, сугубо бюрократическое отношение военной прокуратуры Новосибирска к контролю над следствием далеко неполноценным качеством следствия

по целому ряду дел, когда ряд обстоятельств оказывались не-
выясненными - усугубляло ошибки. 7.

169
Так разве я виновен в учреждении подобных "порядков"? Моя вина в том, что я тогда не понял сущности этих "порядков" и не забил тревоги! А кто помог мне разобраться во всем этом? Никто!

Против того, что казалось мне неправильным я решительно боролся. Если потребуется я назову конкретные факты этой борьбы, укажу на подтверждающие это документы.

А сейчас, в силу непонятных мне причин в отношении меня вопрос ставится таким образом: "ты не имел права допускать ошибок, ты должен был все видеть, ты должен был разоблачить!

Ни к кому другому, только ко мне пред"явлены такие требования. Почему?

Если посмотреть на мое конфликтное дело, Вы не найдете ни одного положительного характеризующего меня документа? Почему? Разве их нет в действительности? Вздор! Когда я задал вопрос т. Зотову - секретарю парткома УГБ "почему-же вы не поинтересовались тем как я жил и работал все время, т.е. не сделали так как учит т. Сталин - Зотов мне ответил: "Вот мы и подитожили всю твою работу". Ну с Зотова много не спросишь, а другие, высококультурные товарищи разве не понимают сущности слов тов. Жданова, одобренных всей партией, лично тов. Сталиным:

"Не мало развелось у нас людей, видящих у членов партии только отрицательные стороны, не желающих видеть и оценить весь жизненный путь работника, знать его достоинства и недостатки".

"Когда исходят не из того, что бы вести человека вперед, исправлять его недостатки и воспитывать, а , раздувать недостатки людей, и не распознают в людях то ценное, что необходимо развивать, всячески поддерживать".

Конечно понимают! Но в силу непонятных мне причин они поставили меня вне партийных законов, они решили, что ко мне можно не применять основных положений, существующих в партии! Почему?

Вместо разбора дела по существу, мне толкуют о том, что мой "вопрос предрешен и что мне придется обращаться в ЦК". Это ска-

зал мне т. Рубанович из горкома еще до заседания горкома.
Почему такая предрешенность?

Если внимательно, по-большевистски объективно посмотреть на мое т.н. конфликтное дело, можно увидеть с какой настойчивостью "собирались" "компрометирующие" меня материалы такие материалы в неправдоподобности которых никто не сомневался. Кем и зачем это делается?

Вот обо всем этом я и хотел поговорить с Вами тов. Борков. Искренне жалею, что Вы не смогли найти времени выслушать меня!

Еще два слова об объективности; перед тем как поставить мой вопрос на горкоме, инструктор горкома т. Рубанович заявил мне, что Горком интересуется и тем как я сейчас работаю. Больше того, он вызвал на заседание горкома секретаря парткома автогужтреста т. Садовниченко, а когда т. Садовничий пришел и тогда т. Рубанович сказал т. Ганенко, что Садовничий будет положительно характеризовать Пастогова, ставшего стахановцем на производстве и ведущего культурно-воспитательную работу среди рабочих гаража. т. Ганенко удалил с заседания т. Садовниченко, не дав ему сказать ни слова, а на мой вопрос: "Почему" ответил: "Конечно, ты сейчас будешь хорошо работать". К чему это?

Разве не походит этот жест на отношение к членам партии некоего Нефедова высмеянного тов. Идановым, который (Нефедов) разбивал членов партии на три группы:

"Первая фигура, - если сильно активничает - значит его проверять надо - наверняка дорожка ведет к врагу". Так получилось и у т. Ганенко! Я понимаю, тов. Борков, что я наделал больших, тяжелых ошибок, но наделал их в искреннем стремлении сделать как много больше пользы! Товарищи, вместо того чтобы помочь мне сразу же увидеть эти ошибки и исправить их - усугубляли их, а теперь - бьют меня!

У меня нет, и не может быть другого, отличного от партии пути, поэтому для меня физическая жизнь, оторванная от жизни партийной - не имеет смысла!

Я знаю, тов. Борков, что для Вас мое письмо - обычное явление повседневной работы, но для меня это вопрос жизни и смерти. У меня к Вам есть единственная просьба: не торопитесь с постановкой моего вопроса на бюро, пока товарищи, которым вы поручите расследование моего дела не выполнят Вашего поручения: "по-большевистски - об"активно, тщательно, добросовестно разобраться во всем."

Уважаемый Вас Пастаногов

30. УШ. 39г.
г7 Новосибирск

Верно:

Масленко

162 14

Майзус, сот-
рудник 3-го
отдела ЭКУ
чл. ВКП(б).

В феврале 1938 г. Асиновское РО НКВД аресто-
вовало плановика льнозавода Никифорова, обви-
няя его, как участника в зиновьевской оппозиции
материалов же достаточных не было. Дело было передано в 4-й
отдел, где был начальником ПАСТАНОГОВ. Докладывая неоднократ-
но ПАСТАНОГОВУ о том, что материалов на Никифорова недоста-
точно, что его нужно освободить, ПАСТАНОГОВ на освобождение
санкции не давал и держал его под стражей в течение года и
после того, как дело было передано в Следственную часть УНКВД
Никифоров был освобожден и дело было на него прекращено.

Кроме того в период операции в г.Новосибирске были аре-
стованы ряд лиц еврейского происхождения, им было пред"явлено
обвинение, как участникам к-р.церковно-монархической организа-
ции. После того как это доказать не смогли по предложению
ПАСТАНОГОВА их оформили по другой окраске.

Чепоргин,
Малий -
быв.сотруд-
ники Куйбы-
шевского РО
НКВД, ныне
осуждены за
нарушение
ревзаконности.

В 1937 году ПАСТАНОГОВ, будучи в Нарыме
с бригадой под предлогом "РОВС" создали прово-
кационные следственные дела, как на организа-
цию. Для этого ПАСТАНОГОВ собрал охотничьи ру-
жья, из"ятые у арестованных закопали в

Балицкий,
быв.сотруд-
ник ДТО НКВД

лесу, после чего пригласил представителей из
Оккругкома и Окрисполкома зафотографировали
вскрытую яму с оружием, якобы приготовленное
оружие повстанческой организацией в Нарыме и оформили как
повстанческое дело на всех арестованных.